Дебаркадер «Татарчонок».
Жизнь — малина, просто рай!..

На теплоходе

Двухпалубный теплоход «ВТ-61» неспешно отвалил от барнаульской пристани, и, взрезая форштевнем белесовато-стальную с редкими хлопьями желтоватой пены июльскую воду, пошел вверх по Оби. Мимо проплывали берега с песчаными застружными косами и крутобокими обрывистыми ярами, по склону поросшими ершистым шиповником, а ближе к воде зарослями ежевичника. Возле кряжистых зеленовато-сероватых ветел, обрушенных в реку, вращались глубокие, темные суводи. Они отливали мрачноватой синью, невольно притягивали взгляд и манили с нездешней силой в таинственные речные глубины.

Мне предстоял неблизкий путь до остановочного пункта «Татарчонок», что находился в девяноста километрах от Барнаула и в пяти — от села Володарка Усть-Пристанского района.

Там я решил пару недель погостить у тети Маши, сестры моей мамы, которая работала матросом на дебаркадере «Татарчонок» под началом мужа — шкипера Константина Гавриловича. Это был ее второй брак, без регистрации, так называемый гражданский. Те места близ Большой речки и некогда полноводной, лесосплавной реки Камышинки издавна славились отменной рыбалкой и охотой.

Оставив вещи на верхней палубе под присмотром пышнотелой, словоохотливой соседки, притомившей меня разговорами, я прошел на нос теплохода и пристроился в теньке под трапом, где на брашпиле[1], накрытом газетой, лежали краюха серого хлеба, надкушенный плавленый сырок, поблескивал стакан и отливала нездоровой желтизной наполовину початая бутылка дешевой бормотухи. Рядом, по всей видимости недавно, примостился рыжеватый мужичок. Признаться, он мне не мешал, поскольку молча, как и я, вглядывался в речной простор.

За Халтурихинским островом моему взору открылось величавое зрелище: Обь переплывали лось с лосихой. Их могучие тела быстро и грациозно рассекали водную гладь, а ласковые лучи послеобеденного солнца отражались золотистыми бликами на воде и ветвистых рогах лесного великана.

— Смотри, паря, красотища, какая! — воскликнул мужичок. — Плывут и ничего не страшатся…

— А чего им бояться. Они отменные пловцы, — ответил я.

— Не скажи! — встрепенулся, повышая голос, мужичок. — Людей, людей надо стеречься! Люди — они на любую пакость горазды… Былось, двое моих друзей рыбачили на протоке Заломной, и вдруг, о чудо, видят рядом с их лодкой «Казанкой» лось плывет на ту сторону, ну, они того, махом соорудили из капроновой чалки аркан и набросили его на лосиные рога. Лось, значится, поспешил к берегу и быстро, быстро потянул за собой лодку. Тогда они почувствовали, что дело пахнет керосином, завели мотор «Вихрь-20» и включили его на задние обороты, пытаясь остановить лося, но он, того, уже успел коснуться ногами дна, да и ломанулся сквозь молодые заросли тальника. Такая силища! Метров десять он пер за собой лодку. Треск стоял неописуемый. Поби-

---

[1] Брашпиль — устройство для отдачи и подъема якоря.

ло изрядно «Казанку» о тальник, понаставило вмятин на корпусе и синяков и ссадин мужикам.

— Ну, а лось, что с ним сталось? — спросил я, подыгрывая мужичку, ибо знал о хитроватости рыжих, их зазнайстве и способности прихвастнуть. Впрочем, подобную байку мне уже доводилось слышать.

— Хм! Лось ушел живой и невредимый. Чего ему, громиле, станется!? — промолвил мужичок с неким недоумением.

— Видишь! Ушел-таки лось.

Мужичок молчал, пятерней ероша на хмельной голове завихрушки.

Лесные красавцы, подгоняемые высокой волной, что тянулась за кормой теплохода, подплывали к песчаному берегу.

Я сидел на верхней палубе, а мимо проплывали незнакомые серебристые протоки, выгнутые, как лезвия татарских сабель, и острова, то обильно поросшие буйной растительностью, то песчаные, то коряжистые с завалами сухостоя и, казалось, безжизненные. Много позже описываемого времени, изучая лоцию, я полюбил острова, протоки и перекаты за меткие, звучные, а порой и замысловатые названия, что им дали первопроходцы. В ранней юности мечталось (мечта вызрела в четырнадцать лет, не без влияния Марка Твена, после прочтения его приключений о Томе Сойере и Гекльберри Финне), что было бы славно на гребной лодке или на плоту сплавиться от Бийска до Барнаула, останавливаясь на дневки и ночевки в живописных местах. Жаль, что детскую мечту, как и многое другое, о чем грезилось в те годы, я так и не сумел претворить в жизнь.

В то время я знать не знал и ведать не ведал, что через год глухой октябрьской ночью уйдет из жизни мой любимый писатель, кинорежиссер и актер Василий Макарович Шукшин. А в 1975-м теплоход «ВТ-61», на котором плыву пассажиром, будет носить его славное имя.

Двухпалубный теплоход вышел на прямой и широкий плес. Прямо по курсу, на взгорье, в предзакатных лучах солнца показались далекие строения села Володарка. И теплоход, сбавив обороты, пришвартовался к выкрашенному в зеленый цвет дебаркадеру, незаметному среди густых зарослей тальника и величавых топо-

лей и ветел. На его надстройке черным по белому отливала задиристая надпись — «Татарчонок».

Немногочисленные пассажиры, а с ними и я, ступили на палубу.

Встреча

Грузный Константин Гаврилович и худенькая, но крепкая Мария Прокопьевна тепло встретили меня. В мое распоряжение они предоставили уютную каюту в носовой части дебаркадера с видом на реку. Ее скромное убранство составляли: кровать, старая тумбочка, керосиновая лампа да несколько подшивок журнала «Вокруг света» и «Техника молодежи».

Ужинали в небольшой кухне, где стояла металлическая печка, стол, шкаф с посудой, две скамейки, табуретки и прочая кухонная утварь незаменимая в обиходе. Перед ужином я тайком передал тете Маше три бутылки «Московской» водки, выставив на стол лишь одну «Столичную». Выложил гостинцы: банки с тушенкой, сгущенкой, пачки индийского и грузинского чая, пакеты с лавровым листом, черным и красным перцем.

Шкипер расспрашивал меня о городских новостях, а я его — о самых уловистых рыбных местах, об охотничьих угодьях и прочих прелестях заречного быта.

На новом месте, несмотря на усталость, я долго не мог уснуть, слышал неумолчный плеск воды за окном каюты, цвирканье сверчков и мышиные шорохи. Дебаркадер — судно, а какая посудина с палубой может существовать без крыс и мышей? Рыжей кошке Мурке и черному с белым бантиком на груди приблудному коту Тимофею ловить да не переловить эту неистребимую живность.

Поутру мы с Гаврилычем в сопровождении умной и старой-престарой с нитями седины по черной шерсти лайки по кличке Зойка отправились на ближайшее озеро Карасевое. Там у шкипера стояли сети, а в густой осоке была припрятана старенькая самодельная лодка. Сгондобобренная из трех листов кровельной жести, в обиходе она называлась «железянкой».

Ласковое солнце уже подсушило траву, она распрямлялась на глазах, и медовые запахи луговых цветов кружили голову, а разномастные серые, зеленые, желтоватые кузнечики выпрыгивали

из-под ног и сердито стрекотали. Свежий ветерок с реки отгонял назойливых комаров.

Озеро с зеленоватой, а местами коричневатой водой было длиною метров двести с хвостиком, с островком-пигалицей посредине. От него к нашему берегу, к стоянке лодки, тянулись косяком семь сетей. Улов оказался скудным, в трех- и четырехперстовки[2] воткнулось около двух десятков карасей.

— Вот, мил дружок, тебе первое задание: будешь проверять и переставлять сети, — проговорил шкипер. Его морщинистое лицо тронула улыбка.

— Гаврилыч, ты не стесняйся, загружай посильной работой. Чем могу — тем помогу, — предложил я. — Хотя, признаться, сетями рыбачить не люблю да толком и не умею. Понимаешь, не испытываю азарт, выпутывая из ряжевой ячеи снулую рыбу. Бредень — другое дело. Там, пока его ведешь вдоль берега, работают все мышцы и нервы начинают вибрировать, подобно тугой тетиве невода. Покрикиваешь на нерадивого напарника. Возбуждение так и накатывает, и руки то ли от усталости, то ли от вида добычи, от шустрых щук — а они норовят перепрыгнуть поверх поплавков или улизнуть — начинают подрагивать.

Седой шкипер гмыкнул в густую короткую щетку усов. Вечером за ужином, когда мы приняли с устатку по чарке, Гаврилыч признался, что он, рожденный в безбрежных украинских степях, рыбачить не любит вообще и воспринимает рыбалку как обязанность, без коей заречная жизнь немыслима. Он мог и не пояснять очевидное, от природы наблюдательный, я догадался об этом по плачевному состоянию снастей.

— Гаврилыч, ты мне скажи, почему столь живописное место прозвали Татарчонком?

— Дак, татарчонок здесь заблудился и сгинул, — встряла в разговор Мария Прокопьевна. — Все об этом знают.

— Не, японский городовой, не все так просто, ежели крепко подумать, — глубокомысленно изрек шкипер. — Весьма загадочны эти места. Сказывают, что в стародавние времена, в те еще, когда здесь проходили казаки Ермака, пропал передовой татарский

---

[2] Трех- и четырехперстовки — сети на три или четыре пальца (перста).

отряд. Болотистый был край. С тех пор воды много утекло, болота высохли, но осталось около десятка озер и обмелевшая извилистая протока, она и зовется Татарчонком, сейчас больше напоминает ручей. Частенько гибнут в округе люди, а то и бесследно исчезают. Почитай каждый год и весной, и летом, и осенью, и зимой. Аномальная зона. Не иначе. Я считаю, что в незапамятные времена здесь упал метеорит. Наверняка он еще и по сей день лежит на дне Щучьего озера. Вода в нем темная и густая, как чифирь. В этом озере время замедляет свой ход.

— Ты, старый, брось баять байки. Начитается своих журналов. Так бы о хозяйстве помнил, — заворчала тетя Маша. — Зачем племяша пугаешь? Страхи наводишь.

— Да, правду я говорю, два раза был у озера. Там щуки обитают, размером с полугодовалого теленка. А по ночам кто-то сопит и посвистывает, не иначе, как нежить. Знобко становится. Маетно на душе. Оторопь берет. И самое загадочное — близ Щучьего озера стрелки у часов начинают подрагивать и отставать минут на десять. Будто время замедляет свой ход. Понимаете, подобный случай произошел со мной на войне, когда рядом на взлобке упала фашистская граната. Представляете, я вижу, как она катится по желтой глине, подрагивая длинной деревянной ручкой. Ощущаю всей кожей, что до взрыва остаются считанные секунды, а до ближайшей воронки несколько метров. Какая-то неведомая сила оторвала меня от земли и бросила к воронке. Все происходило, как во сне или в замедленном кино. Слава Богу, успел! Во время взрыва унырнул в воронку, словно в омут, вниз головой — и осколок гранаты лишь слегка зацепил голень левой ноги.

— Послушай, Гаврилыч, может, в озере лежит не метеорит, а космический корабль пришельцев, потерпевший аварию, — выдвинул я свою гипотезу. — Покажешь дорогу?

— Все, японский городовой, станется и устаканится в сих чарующих местах, — заковыристо изрек шкипер. И непонятно было, к чему отнести его слова: то ли к космическому кораблю инопланетян, то ли к дороге до загадочного водоема.

На следующий день ранним утром я сходил на Карасевое озеро и проверил сети. После немудреного завтрака на добротном, но под веслами тяжеловатом ялике, облюбованном мной для рыбал-

ки на якорях, ловил крупных окуней в тенистой заводи. Там, в устье, где светлая вода Татарчонка смешивалась с мутной — обской, плавились многочисленные мули, за ними гонялись радужные горбачи и попадали на крючки моих удочек. Небольшая шлюпка была остойчива и весьма удобна, и я мысленно поблагодарил капитана самоходной нефтеналивной баржи, который в том году подарил суденышко Гаврилычу. Признаться, я отвел душу, выудив на червя и на живца десятка три окуней и несколько красноперых сорожек.

После обеда я планировал пройти вверх по протоке несколько километров, обследовать окрестности Татарчонка, но прилег с журналом на кровати и неожиданно (видно, выходила городская усталость) уснул на пару часов. Разведку пришлось отложить на следующий день.

Змеиная свадьба

Когда сочно-зеленая густая-прегустая трава (у берега Оби — по щиколотку, а глубже в луга — по пояс) стряхнула росу, приподнялась, вытянув мясистые стебли навстречу щедрому солнцу, по едва заметной, а порой исчезающей среди низкорослого усыпанного недозрелыми ягодами шиповника тропинке я отправился вглубь материка. Удалившись от берега километра на полтора, свернул в сторону к протоке Татарчонок и уперся в небольшую согру. На ней росла развесистая черемуха с темно-бордовыми ягодами, лучилась желтыми гроздьями колючая боярка, а островки смородинника кружили голову запахами. Я немного растерялся и потерял ориентацию, подумав, что ушел дальше намеченной цели, но, взобравшись на макушку согры, увидел вдали тальниковые заросли, где петлял Татарчонок.

Я спускался вниз по склону, освещенному полуденным солнцем. Перистые васильки покачивали молодыми лилово-пурпурными цветами, а корзинки золотухи (бессмертника) из лимонно-желтых бутонов тянули кошачьи лапки с черными коготками семянок. Я вошел в редкий и мелкий осинник с густым смородинником, перевитым колким, задиристым ежевичником. Смолкли и остались позади птичьи пересвисты и прочее щебетанье, щелканье и стрекотанье. Волглую тишину нарушали лишь мои шаги по упругому ковру болотного аира, который сменил сухой треску-

чий плавник. Неожиданно открылась продолговатая освещенная солнцем ложбина, лучи, отраженные от плавника, вылизанного водой до белизны, на миг ослепили меня. Я не остановился, чтобы осмотреться, а по инерции ступил вперед — и неожиданно услышал, точнее всем своим существом ощутил, гулкий шорох. На широкой отполированной до блеска колодине, в трех-четырех шагах от меня, шевелился огромный черный змеиный клубок. Оторопь, словно штормовая речная волна, а за ней и страх заставили замереть на месте. Над извивающимися сильными змеиными телами возвышалась крупная гадюка. Мне показалась, что она лежит чуть в сторонке, а на ее плоской четырехугольной голове посверкивает крошечная золотая корона. По спирали вокруг клубка скользили, словно стражи, две крупные темно-серые гадюки с желтоватыми и слегка красноватыми полосами на спинах. Змеиное месиво приковало меня к месту — ни взгляда оторвать, ни с места сдвинуться.

«Господи, оборони! Змеиная свадьба. Но почему в начале июля? — тотчас вспомнилось, что змеиные свадьбы проходят двенадцатого июня, в день святого Исаакия. — Точно, Гаврилыч, прав — здесь аномальная зона!»

Что греха таить, змей я боялся. В пятилетнем возрасте, отдыхая на Бакенах у деда Прокопа и бабушки Марфы, когда бежал к реке, неожиданно наступил босой ногой на большого ужа, вытянувшегося на влажном песке. Помню, от страха закричал. Порою змеи являлись во сне, от кошмарных видений я вздрагивал и просыпался.

Казалось, а может быть, так происходило на самом деле, что вертикальные зрачки царицы змей смотрят в упор на меня. Инстинктивно рука потянулась к увесистой палке, валявшейся рядом, чтобы метнуть ее в медленно вращающийся змеиный клубок. Но рассудок взял верх над порывом. Зачем?! У них свой путь, своя змеиная судьба, возможно, в колдовских сказках, а у меня другая дорога, иная стезя — и куда она ведет, что ждет впереди, никому неизвестно. Тихонько, не отрывая взгляда от тел, отливающих влажным антрацитом, я стал осторожно отходить, ступая, словно на минном поле или по неокрепшему льду.

Встречу со змеиной свадьбой я расценил как предупреждение, знак свыше и оставил мысль об исследовании извилистой загадочной протоки, дабы не сгинуть, как татарчонок (правда, с улыбкой в душе).

Солнце повернуло на закат, когда я по тропинке вышел к дебаркадеру со стороны кормы. Путь преградил кот Тимофей, он шипел и фыркал, то припадая мордочкой к примятой траве, то, приподнимаясь, выгибал дугой спину, так что ерошилась шерсть на загривке. Поперек тропинки лежал метровый уж, и, казалось, ничуть не боялся кота. Змейка в ответ на его нападки лишь постукивала по земле хвостом да быстро-быстро шелестела раздвоенным язычком. Я окликнул кота. Тимофей скосил глаза в мою сторону, и гроза лягушек, улучив момент, торопко, но с достоинством заскользил с обрывистого берега к реке. Пока я успокаивал кота, поглаживая его по черной шерстке, уж отплыл на несколько метров от берега и исчез в серовато-зеленоватых ветвях обрушенной в реку коряжистой ветлы. «Что за чудеса сегодня, что за странные встречи: змеи, ужи?..» — я поднимался по трапу на дебаркадер под недовольное мяуканье кота, семенившего следом.

Воспоминания

Жизнь на дебаркадере текла своим чередом. Мария Петровна мыла палубу, а Гаврилыч читал журнал, оттопырив забинтованный указательный палец.

— Где поранился, старче? — спросил я. Шкипер засопел в ответ.

— Да ну, племяш, его к чомиру! Кулема он и есть кулема! Ему лишь бы журнальчики почитывать. Совсем мужик к хозяйству непригоден, — ворчала Прокопьевна. — Твою жерлицу, что ты на живца с кормы ставил, во время поклевки проверил. И надо же, он вытянул небольшую, но норовистую щуку, с крючка снимать стал, а та его хватанула зубами за палец, так что кровища потекла.

Я не стал выслушивать дальнейшие сетования Прокопьевны, которые были отнюдь не беспочвенны, а пошел на кухню попить с дороги чайку. Не любил Гаврилыч работать по хозяйству, и рыбалку не очень жаловал, порой приговаривая: «Ружье, сеть да весло — хреновое ремесло». Может, виной тому было постоянное невезение. Накопает, он бывало, с вечера червей, а к утру они непостижимым образом из закрытой банки выползут. Начнет окуней ловить — крючки и блесны на коряжине оставит, леску или оборвет, или запутает. На лодке по озеру пойдет — воды зачерпнет.

Да что там говорить, частенько с Гаврилычем происходили на рыбалке всякие закавыки, и он, уверовав в свою невезучесть, совсем обленился. Моему приезду был рад, переложил на меня все рыбачьи заботы. Я, конечно, подбадривал Гаврилыча, убеждал шкипера, что ему непременно повезет на рыбалке, и он не терял надежды поквитаться со щучьим семейством.

Мы утро встречаем! —
Руки на вёсла под пение птиц!
Прав ты, что главное в жизни — уменье.
Нас не заманишь,
как в сеть карасей!
Чувствуешь силу и счастье в движенье?
Что загрустил? Налегай веселей!

Вечером за ужином я рассказал хозяевам о встрече со змеями. Прокопьевна заметила, что я, наверное, ошибся и перепутал ужей с гадюками. Еще она припомнила случай, когда я на бакенах у деда Прокопа и бабы Марфы наступил на огромного ужа и очень сильно испугался.

— Тетя Маша, вы думаете, я не помню ту встречу? Недавно вспоминал. Это была гадюка. Меня от страха даже подбросило в воздух, и, перелетев через нее, я плюхнулся в холодную воду.

— Однако, племянничек, кончай заливать! Чай ты не Гаврилыч! Не было змеи, а был уж, — вздохнув, молвила она.

— Ладно, уж — так уж, замуж, невтерпеж!.. — выпалил я. — А что, теть Маш, скажешь, не было Глашки, бодливой коровы, что прижала меня рогами к стенке избы? Прижала меж рогов так, что я не мог даже трепыхнуться. Ведь было!?

— Про ужа помню, про корову нет, — потирая лоб, сказала тетя. — А еще я помню, когда мы к отцу плыли на пароходе «Товарищ» у тебя с головы слетела бескозырка и упала в воду. Ну?

— Конечно, помню, налетел ветер и сорвал бескозырку. Я бросился к лееру за ней. Кричал. А здоровый, как сказочный джинн, бородатый матрос ловко поддел ее багром у кормы парохода и вернул бескозырку мне.

— Ударились родственнички в воспоминания! — встрял Гаврилыч, опорожняя третью рюмку горькой. — А я во время войны в бо-

лотах замерзал, вас от фашистской нечисти грудью заслонял. Да, японский городовой, и с узкоглазыми повоевать пришлось. В Маньчжурии япошки подранили. Больше месяца по госпиталям мотался.

— Думаешь, в тылу легко было! Я всю войну, да и после, — столько лет уголек-кормилец в грузовом участке Речпорта на ленту транспортера совковой лопатой бросала. И в холод, и в зной… И Вовина мать, Анна, в Речпорту на «Малых реках», что находились при Элеваторе, вкалывала. Но ей было легче, она работала приемосдатчиком, как-никак грамотная! Правда, чуть не погибла. Чуешь, старый! На седьмом месяце беременности была. Оступилась — и бултых в воду! А в животе-то Володька! Еле спасли сестрицу с племянничком. Оттого-то он бедненький такой худой, нервный, иной раз заикается.

Тетя Маша, чуть всплакнув, погладила меня по голове.

И я вспомнил, как мы с двоюродным братом Витей, сыном тети Маши, что был старше меня на три года, приходили на работу к ней. Вспомнил огромные кучи угля, грохочущую ленту транспортера, уходящую к чреву самоходной баржи, тяжелые совковые лопаты и черные от въедливой угольной пыли лица женщин, совсем как у негров из книжек и кинофильмов. Мое детское сердце трепетало от жалости и сострадания.

Кто-то из пассажиров постучал в дверь и прервал разговор.

Удача неудачника

Утром меня разбудили тревожные то длинные, то короткие и прерывистые гудки теплоходов. «С чего бы это?» — подумал я, подходя к окну каюты. Ведь звуковые сигналы вблизи населенных пунктов давно запрещены. За окном было белым-бело. Надев штаны и рубаху, я вышел на палубу дебаркадера. Над рекой и над берегом колыхался густой, косматый туман, лишь изредка в его глубине сквозь разводья проглядывали неясные очертания ближайших деревьев.

— Девять часов, а туман не рассеивается! — недовольно проговорил шкипер. — Теплоходы заякорились и стоят в ожидании… Наш «ВТ» уже на час, как задерживается.

— Да-а! — протянул я, отметив, что в начале июля подобные туманы довольно редки. А этот, словно сплавной сетью, накрыл округу.

К десяти часам туман рассеялся. Теплоход пришвартовался и минут через пять, высадив с десяток пассажиров, отошел.

— Смотри, Костя, полено плывет! — крикнула Мария Прокопьевна с носа дебаркадера. — Бери скорее багор, полешко сгодится для печки.

Следует заметить, что бревна, большие и маленькие, частенько проплывали мимо дебаркадера. Течение несло их из Большой речки и Камышинки. Если они проплывали вблизи, то Гаврилыч цеплял их остро отточенным багром и выводил за корму дебаркадера к берегу. Когда их скапливалось штук пять, то бревна выкатывали на берег. В последний раз такую операцию мы проделали со шкипером дня два назад.

Гаврилыч вразвалочку поспешил на нос дебаркадера, споткнулся о трос и чуть не упал. Стал снимать багор со стены и громко вскрикнул, больно прижав укушенный щукой палец. Шкипер заворчал, махая рукой, проклиная чертей и водяных — виновников всех его бед и напастей.

— Володька, иди скорей ко мне! — закричал Гаврилыч. Я удивился, увидев вместо полена большущую щуку. Она лежала на боку, головой против течения. У нее, словно листья на ветру, подрагивали темно-зеленые жабры, плавно вздымалось при дыхании беловатое брюхо и чуть шевелился широкий хвост. Видимо, хищница в тумане, гоняя мелкую рыбешку, потеряла осторожность. Она всплыла к поверхности воды, угодила под винты теплохода и была оглушена.

— Врешь, не уйдешь! — воскликнул Гаврилыч, опуская в воду наконечник багра.

— Под жабры имай ее, Костя, под жабры! — советовала тетя Маша, дочь рыбака и бакенщика.

Гаврилыч резко поддел щуку крючком багра под голову и, побагровев от натуги, вытащил из воды.

— Я говорил, японский городовой, что мне повезет! Я говорил, что отыграюсь на щучьем семействе за покусанные пальцы! — ворковал довольный Гаврилыч, утирая со лба пот.

Более чем пятикилограммовая речная хищница лежала на палубе.